Ирина Оливах

БОГИНЯ АР-ДЕКО

В ЗЕЛЁНОМ «БУГАТТИ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

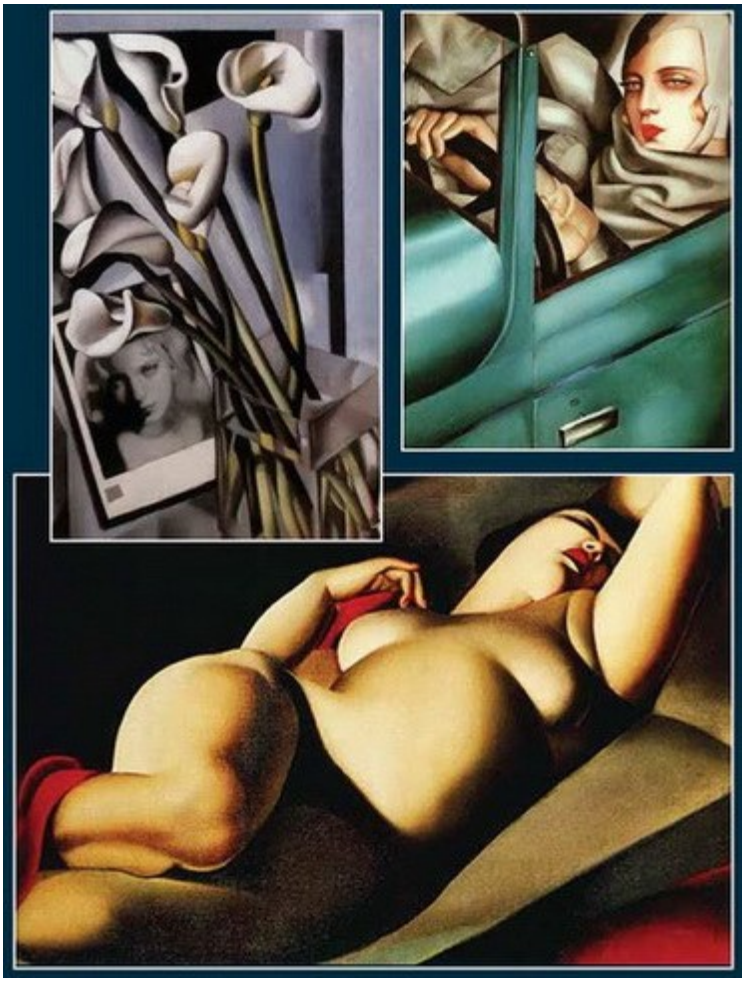
«Я всегда одеваюсь, как автомобиль, а автомобиль — как я», — говорила Тамара Лемпицки… Она умела жить: ставила перед собой цели, порой весьма амбициозные, и твердо шла к ним. Хотела стать известной художницей, и стала ею, пожелала оказаться героиней светской хроники — и это у нее получилось. Хотела любить и быть любимой — и это тоже ей удалось…

- Ирина Михайловна Опимах
  - ○

Ирина Михайловна Опимах
Богиня ар-деко в зеленом «Бугатти»

«Я всегда одеваюсь, как автомобиль, а автомобиль — как я», — говорила Тамара Лемпицки. Однажды, в соответствии с детально продуманным планом, она остановилась перед Гранд-отелем в Монте-Карло. Светло-желтый костюм, элегантная шляпка, активный макияж, холодная, уверенная в себе, настоящая эмансипе. Такой и увидел ее (как и было задумано художницей, тщательно планировавшей свое восхождение на вершины успеха) издатель известного немецкого журнала мод «Die Dame». Очарованный ее яркой красотой, он тут же заказал ей автопортрет, который должен был украсить обложку его журнала. И она написала себя — роскошную, в зеленом дорогущем «бугатти» (не важно, что у нее таких машин никогда не было), с белокурым локоном, выбивающимся из шлема, в длинных кожаных перчатках. В ее глазах — жадность жизни, порочность, страсть… Похоже, эта женщина запросто задавит любого, кто встанет у нее на пути. Образ, созданный Тамарой Лемпицки, стал иконой стиля 1920-х, символом века джаза. Наверное, так должны были выглядеть героини Скотта Фитцджеральда, подруги Великого Гэтсби.

Она умела жить: ставила перед собой цели, порой весьма амбициозные, и твердо шла к ним. Хотела стать известной художницей, и стала ею, пожелала оказаться героиней светской хроники — и это у нее получилось. Хотела любить и быть любимой — и это тоже ей удалось. И конечно, она хотела, чтобы о ней помнили и после ее смерти — сегодня ее картины, хоть их и не увидишь в крупных музеях, стоят миллионы долларов, их покупают сегодняшние звезды — Барбра Стрейзанд, Джек Николсон, Мадонна.



Тамара Лемпицки родилась в Москве, 16 мая 1898 года. Ее родители были вполне обеспеченными людьми. Отец, Борис Гурвик-Горски, занимался коммерцией, мать, Мальвина Деклер, происходила из богатой польской семьи. По-видимому, они любили русскую классическую литературу, недаром дочь свою назвали Тамарой — в честь героини лермонтовского «Демона». Позже у них родились еще двое — мальчик и девочка. Отец рано ушел из жизни, Тамаре тогда не было и десяти. Тайна его смерти тщательно скрывалась — говорили, что он развелся с матерью и уехал, но на самом деле, тут, скорее всего, было самоубийство. Детишек воспитывали мать и бабушка с дедушкой с материнской стороны. Деклеры принадлежали к элите тогдашней Варшавы, в их доме бывали выдающиеся музыканты Игнат Пендерецкий, Артур Рубинштейн, писатели и поэты. Взрослея в таком окружении, Тамара прониклась духом польской культуры, недаром она потом всегда называла себя полькой и утверждала, что родилась в Варшаве.

В 1911 году Тамара переехала в Петербург Она жила в доме своих польских родственников — Стефы и Маурициа Штиферов. Тут у нее вдруг проснулась страсть к рисованию, и она устроилась на курсы в Академию искусств. А вечера ее были заполнены светской жизнью — спектакли Мариинского театра, концерты в Царском Селе, ужины в лучших ресторанах Петербурга. Однажды она попала на маскарад. Костюм у нее был весьма необычный — она оделась селянкой и вела за собой пару гусей. Красивая девушка не могла не обратить на себя внимание. Среди заметивших ее был и один молодой поляк— высокий, статный шляхтич Тадеуш Лемпицки, любимец столичные дам и вполне успешный адвокат, представлявший в Петербурге Товарищество Варшавско-Венской железной дороги. Тадеуш происходил из аристократической семьи — его мать, Мария Норвид, была племянницей известного польского поэта Киприана Камиля Норвида, а отец, Юлиан Лемпицки, был наследником старинного шляхецкого рода.

Тамара сразу пала жертвой его мужского обаяния. Он будет моим, решила она и начала действовать. И победила! Они стали мужем и женой в 1916 году. Свадебная церемония проходила в петербургской Часовне мальтийских рыцарей. Среди гостей торжества были высшие царские чиновники и иностранные сановники. Невеста была очень хороша — в роскошном платье с длиннющим шлейфом, она выглядела как королева. А вскоре, 16 сентября 1916 года, у четы Лемпицки родилась дочь Мария Кристина, которую в семье звали Кизеттой.

Портрет дочери Кизетты

В это время в мире уже вовсю шла Первая мировая война, но на жизнь Лемпицки она почти не повлияла. Они так же наслаждались театральными премьерами, посещали модные рестораны и выставки, а в свободное время Тамара разъезжала по проспектам города на своем авто. Но вот революция изменила многое. А самое страшное случилось, когда в дом Лемпицки

ворвались чекисты и арестовали пана Тадеуша. Совсем недавно высокопоставленные, влиятельные друзья вдруг потеряли все свое влияние и посты, и уже не к кому было обратиться за помощью. Что было делать Тамаре? Она могла рассчитывать только на себя. И она купила свободу мужа, заплатив довольно высокую цену: провела ночь с шведским послом, который потом вытащил Тадеуша из тюрьмы и помог супругам Лемпицки выбраться из России. Они уехали порознь и встретились спустя несколько месяцев в Копенгагене. Вскоре они уже были в Париже, где Тамара оказалась в совсем другой реальности. Деньги скоро ушли, а вместо блестящего галантного красавца Тадеуша с ней рядом теперь был угрюмый, ничего не желавший делать, совершенно раздавленный выпавшими на его долю испытаниями человек. Тадеуш впал в депрессию, но Тамара себе такое позволить не могла, ведь надо было где-то жить и что-то есть, кормить и одевать дочь. А когда все ее драгоценности были проданы, стало совсем невесело.

И тут она вспомнила о своем девичьем увлечении рисованием. Почему бы ей не стать художницей? Да еще в Париже, в городе, где все пропитано искусством?

Девушка в перчатках

Ее сестра Адриенн, учившаяся на архитектора, посоветовала Тамаре записаться на курсы художников в Академии Рансома. Овладев ремеслом, Тамара могла бы рисовать портреты на заказ и таким образом зарабатывать. Итак, решено, она станет художницей.

В Академии Рансома она поучилась у Мориса Дени, а потом стала ученицей Андре Лота, преподававшего в Академии Монпарнас. Лот, соединявший в своем творчестве традиции старого французского искусства (Пуссена, Давида) и кубизм, который называл «новым классицизмом», оказал огромное влияние на становление стиля Тамары Лемпицки. Ее манера живописи нравилась парижским буржуа, для которых Пикассо и его последователи были уж чересчур смелыми и непонятными. У Тамары появились заказчики и — деньги. Она писала портреты аристократов и богачей, и на нее падал отблеск их славы. Понемногу она стала приобретать известность.

Иногда Тамара работала и для собственного удовольствия. Однажды она увидела на улице хорошенькую брюнетку, познакомилась с ней и привела в свою мастерскую. Так вскоре появилась «Прекрасная Рафаэла», позже признанная критиками «одним из наиболее важных обнаженных актов XX столетия».

Прекрасная Рафаэла

В середине 1920-х годов Тамару Лемпицки уже хорошо знали в артистическом мире. В те времена стиль в живописи

формировали журналы мод, и один из самых популярных журналов «Harper's Bazaar» поместил на своих страницах картины и фотографии красивой парижской художницы. Но Тамара была умной женщиной и понимала: чтобы добиться настоящего успеха, нужно много работать — она писала по 10 часов в день, а еще учиться, причем у хороших учителей. И она поехала в Италию, копировала старых мастеров и, по их примеру, писала свои картины чистыми сияющими красками, тщательно вырисовывая каждую деталь. И хотя критики называли ее «популяризатором извращенной живописи», ее работы нравились публике. Аристократки и добродетельные супруги богатых коммерсантов стояли в очередь к художнице — все хотели получить свои портреты ее кисти, желая увидеть себя сексапильными и притягательными. Репортер «Ла Полонь» писал, что «модели Тамары де Лемпицкой — современные женщины, не знающие лицемерия и стыда в категориях буржуазной нравственности. Они загорелые и смуглые от ветра, а их тела упругие, как тела амазонок». Ярая приверженица кубизма и ар-деко, Лемпицки обожала объемные фигуры, острые углы, крупные колени и выпуклые животы. На ее картинах — юные сильные тела, мужские и женские. Конечно же, себя она любила больше, чем искусство, а потому все ее картины довольно холодны, рассудочны, но при этом весьма эротичны.

Андромеда

Казалось бы, вот он, успех, но Тамаре этого было мало. Она хотела, чтобы о ней писали на первых страницах газет, поэтому решила проникнуть в мир настоящей богемы. В мае 1925 года она, путешествуя по Италии, познакомилась с Габриэле д'Аннунцио. Этот стареющий донжуан, в списке которого были и высокородные аристократки, и королевы театра (Сара Бернар, Элеонора Дузе, Айседора Дункан), поддался чарам красавицы Тамары и сделал ее по-настоящему знаменитой. «Может быть однажды днем, однажды вечером, однажды ночью вы почувствуете непреодолимую потребность поговорить со мной — и тогда вы напишете мне вновь. Я жду. Питаю надежду», —

писала Тамара Д'Аннунцио. Она предложила написать его портрет, и он пригласил ее в свое имение «Иль Витториале» на берегу озера Гарда. Тамара понимала, что он может стать хорошей рекламой для нее. Так и случилось — о новой пассии Аннунцио писали все газеты и журналы. Но вот что касается чувств… «Я была красивой молодой женщиной. А там, напротив меня, стоял этот старый карлик в мундире». Прошло несколько месяцев, и она уехала из «Иль Витториале». На прощание Д'Аннунцио подарил ей стихотворение с посвящением «La Donna d'Oro» («Золотой женщине») и кольцо с огромным топазом. Это кольцо она с гордостью носила до конца жизни.

Вернувшись во Францию, она устроила ту самую встречу с издателем журнала мод «Die Dame», на обложке которого вскоре появился ее автопортрет в «бугатти», сделавшей ее иконой стиля 1920-х. Теперь о ней говорил весь мир.

Портрет мадам Бокард

Тамара ощущала себя свободной, считала себя вправе жить так, как ей хочется и так, как она считает нужным. «Я живу за бортом общества, а общественные нормы не касаются тех, кто на краю», — утверждала она. А потому позволяла себе многочисленные романы, посещала сомнительные заведения и не брезговала наркотиками. Все бы хорошо, да вот ее законный муж пан Тадеуш был совсем иных взглядов. Ему решительно не нравилось, как его жена проводит время. Супруги постоянно ссорились. «Я любила мужа, но мне нужен был флирт. И я часто флиртовала», — откровенно признавалась она многие годы спустя.

Громкий роман с Д’Аннунцио, о котором все тогда говорили, стал последней каплей. В 1927 году Тадеуш уехал в Варшаву, где познакомился с Иреной Шписс, дочерью Людвика Шписса, владельца крупнейшей в Польше фармацевтической компании. Он влюбился в Ирену и потребовал от Тамары развода. Она трижды приезжала в Варшаву, пыталась вернуть мужа, но… Пан Тадеуш проявил характер: получив развод, женился на Ирене и навсегда переехал на родину.

Надо сказать, Тамара была очень расстроена — по-видимому, она все-таки любила своего мужа, была к нему привязана. «Я — несчастное существо, истерзанное, без родины, без корней, всегда одинокое», — однажды призналась она своему другу, итальянскому архитектору Джино Пуглиси.

Каллы

Но такая женщина не могла долго оставаться одна. Однажды барон Рауль Куффнер, страстный поклонник ее творчества, заказал у нее портрет своей любовницы, андалусской танцовщицы Наны де Эрреры. Куффнер был очень богат — его семейство до Первой мировой войны обладало в Австро-Венгрии самыми обширными угодьями и было главным поставщиком мяса и пива для императорского стола. Барон уже успел к этому времени приобрести несколько работ Лемпицки. Он был тонким знатоком живописи, и в его замке в Диошеж в Венгрии картины Тамары висели рядом с полотнами Дюрера и английских пейзажистов XVIII века. Портрет Наны был написан, но этим история не закончилась, — очень скоро Тамара затмила в глазах барона испанку Нану. Раньше он любил ее картины, теперь он полюбил ее саму и захотел на ней жениться. В 1934 году они зарегистрировали свой брак. «Мой первый муж был очень красив. У второго был характер» — так Тамара отзывалась о своих супругах.

А между тем атмосфера в Европе становилась все более напряженной. Фашизм быстро набирал силу, и не обращать внимания на то, что происходило в Германии, было глупо и недальновидно. А Тамару и ее нового мужа никто не мог назвать глупыми. Она уже знала, что это такое — все потерять, и хорошо помнила о своих еврейских корнях. Барон Куффнер тоже имел все основания волноваться: «Чехословацкий еврейский альманах» называл его семью «замечательным еврейским родом», а как относятся к евреям в Германии, уже все знали. И вот в начале 1938 года, незаметно продав земли и разместив семейные капиталы в швейцарских банках, Куффнеры отправились в Америку.

Тамара тут же стала любимой художницей Голливуда. Теперь в ее жизни были теннис с Гретой Гарбо, обеды со звездами американского кино британцем Джорджем Сандерсом и мексиканкой Делорес дель Рио. Куффнеры взяли в аренду у режиссера Кинга Видора (снявшего «Войну и мир» с Одри Хепберн) роскошную виллу и устраивали там приемы для нескольких сотен гостей. Фотографии прекрасной Тамары появились в газетах и журналах. «Баронесса с кистью» вошла в элиту Западного побережья. «И не забудь пригласить на вечеринку баронессу Тамару де Лемпицки-Куффнер, — писали друг другу дамы Беверли-Хиллс. — Она такая забавная, а ее картины такие смешные».

В 1943 году Куффнеры перебрались в Нью-Йорк, на Манхэттен, где поселились в роскошных апартаментах. Там они расставили дорогой антиквариат, который барон вывез из своего венгерского имения. Тамара оборудовала себе студию и продолжала работать. А еще занималась дизайном — новые американские друзья часто просили обустроить их квартиры и дома.

Портрет девушки

Шло время, появлялись новые звезды, новые художники. И в один прекрасный день кто-то написал, что живопись Тамары Лемпицки устарела. Она попыталась измениться, пробовала работать в иных стилях, писала натюрморты, вдохновленная полотнами старых фламандцев и голландцев, но ничего интересного у нее не получалось, и публика не проявляла никакого интереса.

Великий князь Гавриил Константинович

В 1962 году барон Рауль Куффнер умер. Конечно, Тамара горевала, хотя внешне это было не очень заметно. Боясь одиночества, она переехала в Хьюстон, чтобы быть поближе к дочери Кизетте. У них были непростые отношения — Тамара давила на дочь, хоть и баловала, осыпая деньгами, но мало уделяла ей внимания, тепла, а порой публично от нее отказывалась, называя девушку своей сестрой — чтобы казаться

моложе. Уж очень ей не хотелось стареть…

В том же 1962 году одна из нью-йоркских галерей устроила ее персональную выставку, но критика осталась равнодушна, покупателей было немного, и Тамара поклялась, что больше никогда не будет выставляться.

А потом ее совсем забыли, но живопись стала частью ее существования, она уже не могла не работать, и все новые и новые картины аккуратно складывала в своей мастерской…

А в 1966 году парижский Музей декоративного искусства устроил выставку, посвященную ар-деко 1920-х годов. Выставка имела оглушительный успех, и стиль ар-деко снова вошел в моду. И тогда на волне этого интереса молодой искусствовед Алан Блондел организовал большую ретроспективную выставку работ Тамары де Лемпика. Она стала сенсацией — мир снова вспомнил о Лемпицки, и снова ее работы стали продаваться…

В 1978 она переехала в Мексику и купила прекрасный дом в Куэрнавака, шикарном пригороде Мехико. Ей очень хотелось, чтобы с ней там жила Кизетта… В Мексике Тамара познакомилась с молодым местным художником Виктором Контерасом. К старости она полюбила общество молодых мужчин — с ними ей казалось, что она по-прежнему юная и прекрасная. Контерас стал ей близким другом и оставался с ней до конца ее жизни. В благодарность за заботу и душевное тепло она завещала ему половину своих работ.

Тамара Лемпицки умерла во сне 18 марта 1980 года. В последние минуты ее жизни Кизетта была с ней рядом. Тамара просила, чтобы после смерти ее кремировали и развеяли прах на вершине вулкана Попокатепетль. Виктор Контерас выполнил ее последнюю волю.

Сегодня Тамара Лемпицки снова в моде. О ней пишут книги (ее жизнь так похожа на мыльную оперу!), ее выставки собирают тысячи зрителей, ее образы появляются в модных изданиях, ее картины продаются на аукционах за миллионы долларов. Она сотворила свою жизнь и сотворила свой миф, а потому ее помнят, как помнят и эпоху джаза и ар-деко, эпоху, в которой она блистательно сыграла свою роль.